

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2017.3.24>

UDC 34(091)(47+57)

LBC 67.410.267.3(2)61

**SOCIAL-LEGAL EVOLUTION OF BANDITISM
AS PUBLICLY DANGEROUS PHENOMENA IN THE CONTEXT
OF THE CHANGE IN RUSSIA PUBLIC-ECONOMIC FORMATION
(PREFORMATIVE PERIOD 19TH - FIRST HALF OF 20TH CENTURY)**

Pavel V. Maximov

University of Krasnodar Russian Interior Ministry, Krasnodar, Russian Federation

Introduction: the process of the evolution of the actual manifestation and qualification of acts covered by the modern concept of banditry, as well as the peculiarities of the methods of fighting it by the state in a relatively long period of Russian history (the post-reform period of the 19th century - the first half of the 20th century) is considered. To this end, the author identifies the most significant features that characterize the growth of the public danger of this criminal act. Based on the method of system analysis, it is shown that, despite the change in the socio-economic system, the politicization of banditry, marked at the turn of the 19th and 20th centuries in the Russian Empire, received a logical and dramatic development after the revolution of 1917 in the Soviet state.

Results: comparison of the peculiarities of gangsterism in Russia and a number of countries is given. It is shown that the actualization of the term "banditry" in Soviet Russia was associated with the enthusiasm of the Bolsheviks as external attributes of the era of the Great French Revolution of the 18th century, on the one hand, and a powerful wave of "political banditry" on the other.

Conclusions: the special attention of the state to the political component of banditry allowed to suppress its most acute manifestations in the 1920s. The model created in this case proved to be highly effective and ensured a relatively rapid liquidation of a new wave of banditry that arose at the turn of the 1920s-1930s and associated with the campaign of collectivization.

Key words: banditry, crime, gangs, security departments, revolutionary radicalism, search, mafia, depoliticization.

УДК 34(091)(47+57)

ББК 67.3(2)61

**СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ЭВОЛЮЦИЯ БАНДИТИЗМА
КАК ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНОГО ЯВЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ СМЕНЫ
В РОССИИ ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ФОРМАЦИИ
(ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД XIX – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XX ВЕКА)**

Павел Викторович Максимов

Краснодарский университет МВД России, г. Краснодар, Российская Федерация

Введение: в статье рассматривается процесс эволюции фактического проявления и квалификации деяний, охватываемых современным понятием бандитизма, а также особенностей и методов борьбы с ним со стороны государства в относительно длительный период истории России (пореформенный период XIX в. – первая половина XX в.). С этой целью автор выделяет наиболее существенные черты, характеризующие рост общественной опасности данного преступного деяния. С опорой на метод системного анализа показано, что, несмотря на смену общественно-экономического строя, политизация бандитизма, отмеченная еще на рубеже XIX–XX столетий в Российской империи, получила логическое и драматическое развитие после революции 1917 г. в Советском государстве. **Результаты:** дается сравнение особенностей проявления бандитизма в России и ряде стран. Показано, что актуализация термина «бандитизм» в Советской России была

связана с увлеченностью большевиков внешними атрибутами эпохи Великой французской революции XVIII столетия, с одной стороны, и мощной волной «политического бандитизма» – с другой.

Выводы: особое внимание государства к политической составляющей бандитизма позволило подавить его наиболее острые проявления в 1920-е годы. Созданная при этом модель оказалась высокоэффективной и обеспечила относительно быструю ликвидацию новой волны бандитизма, возникшей на рубеже 1920–1930-х гг. и связанной с кампанией коллективизации.

Ключевые слова: бандитизм, преступность, шайки, охранные отделения, революционный радикализм, сыск, мафия, деполитизация.

Введение

Со второй половины XIX столетия в России активизируется деятельность радикальных (революционных) обществ и уже тогда, как представляется, начался процесс сближения составов уголовного и политического бандитизма (соответственно деятельности «шаек» и боевых ячеек революционных организаций). Как ни парадоксально, этому способствовали буржуазные реформы 1860-х годов. Например, открытость уголовно-политических судебных процессов приносила известность террористам, в том числе посягавшим на самого императора. А эта известность в свою очередь способствовала притоку новых сторонников революционеров, которых притягивали идеи необходимости борьбы за естественные права человека [21, с. 18], устройства более справедливого общества на фоне фактического отсутствия политической демократии и корявого исполнения крестьянской реформы.

Рост насильственной групповой преступности в пореформенной России

К этому нужно добавить рост уголовной преступности, в том числе прежде всего насильственной. Как убедительно доказывают материалы пореформенной эпохи, в целом вопросам борьбы с наиболее опасными ее видами (разбоями, грабежами и пр.) власти уделяли совершенно недостаточное внимание. Об этом, в частности, красноречиво свидетельствовали ограниченные штаты полиции. К примеру, в Петербурге в 1887 г. штат сыска после неоднократных ходатайств был наконец расширен до 120 человек (до этого он составлял от 20 до 40 человек), тогда как в Париже число таких сотрудников достигало 400, в Бер-

лине – 900 человек. Естественно, что в этих условиях действия полиции далеко не всегда отличались эффективностью. В этой связи обращает на себя внимание случай с заурядной кражей денег и документов у министра внутренних дел А.Е. Тимашева на обеде в Успенском соборе. Подчеркивая, что нашли их всего за ночь, современные авторы считают, что «тут-то высшие сановники осознали – люди из уголовного сыска едят свой нелегкий хлеб не зря» [12, с. 6–7]. На наш взгляд, здесь скорее нужно было понять другое – реальность угрозы явного сращивания полиции с криминалом. И особенно опасно это было именно в случае с бандами.

В контексте быстрого роста преступности важнейшим достижением того периода стало формирование специальных органов сыска. Поначалу в крупных городах (Петербург – 1866 г., Варшава – 1874 г., Москва – 1881 г. и т. д.), а затем и в общероссийском масштабе (закон 1908 г. «Об организации сыских частей»). Нужно признать, что к этому времени бандитизм (на тот момент использовался термин «разбойные шайки») приобрел весьма значительные масштабы. В частности, мемуары начальника Московской сыской полиции А.Ф. Кошко показывают, что на своей службе в Риге он сразу столкнулся с «эпидемией убийств» банды Озолинша. Банды стали для него серьезнейшей проблемой и в сыске Петербурга. А возглавив сыск Москвы, в первый год службы на Рождество, он и вовсе «чуть не сошел с ума от отчаяния» под влиянием криминального рекорда 27 декабря 1908 г. (около 60 крупных краж с подкопами, взломами и пр. и более тысячи относительно «мелких»). Осознав, «что город наводнен мазурьем», он начал чистку [7, с. 253]. Мемуары А.Ф. Кошко показывают высокую активность всевозможных банд, как правило, отличавшихся организованностью, жесткой дис-

циплиной, все большей жестокостью. Хотя сохранялось порой и удивительно «патриархальное» восприятие разбойного промысла самими душегубами, остро переживавшими греховность своей жизни (рассказ «Русская заблудшая душа (Васька Белоус)»). Причем казнь таких лиц вышибала слезу даже из полицейских [7, с. 126–134].

В начале XX в. рэкет, вымогательство (часто при прямой поддержке банд населением), особенно под влиянием революции 1905–1907 гг., приобрели такой размах, что даже дети начали этим заниматься, пугая купцов записками от разного рода «черных воронов» [6, с. 54–60].

На этом фоне еще раз подчеркнем, на наш взгляд, наиболее важную черту пореформенной эпохи – неуклонную политизацию бандитизма. Набиравшая силу с 1860-х гг. волна террора обнаружила очевидное: если у рядовых исполнителей в основном доминировала «идейная» составляющая, то для руководителей террора весьма существенное значение приобретали банальные корыстные мотивы [17, с. 6–35].

Политизация насильственной преступности

Ответ правительства на эту новую угрозу взрывного роста насильственной преступности, подрывавшей устои государственности, оказался довольно невнятным. Первым системным шагом здесь стало создание «охранных отделений» (в 1880 г. как эксперимент в Москве и Варшаве, а в 1902 г. повсеместно в губерниях). При этом в условиях подъема революционного движения в начале 1900-х гг. в качестве инструмента борьбы с ним начали использовать и сыскные отделения. На наш взгляд, это не способствовало ни борьбе с уголовщиной, ни борьбе с революцией. Массовые, причем нередко явно бестолковые аресты лишь усугубляли ситуацию, существенно усиливая протестные настроения [8, с. 45–48].

При этом, в отличие от уголовных, политические «составы» преступлений в российском законодательстве формировались и закреплялись крайне медленно. Как справедливо отмечал К. Анциферов, даже в конце XIX в. «наше законодательство о государственных

преступлениях принадлежит к числу отделов наименее разработанных» [1, с. 11]. Показательно, что и в судах его нормы имели крайне малое применение. Лишь «печальные события последнего времени» (политические процессы над «нигилистами» 1860–1880-х гг.) несколько изменили ситуацию. В частности, в это время настойчиво прорабатывалось законодательство о «тайных обществах». Причем здесь привлекает внимание норма закона 1874 г. (ст. 318 Уложения о наказаниях) о «преступных сообществах» (дана классификация), закрепившая возникновение популярной в дальнейшем уголовно-правовой категории «сообщество».

Однако все эти действия уже представлялись явно недостаточными. Как показало развитие событий начала XX в., в стране появилось множество относительно новых форм групповой вооруженной преступности. Причем в своих налетах с бандами начали успешно конкурировать «партии». В этой ситуации уголовно-правовых методов борьбы оказалось совершенно недостаточно. Нельзя было рассчитывать на то, чтобы просто «переловить» смутьянов. В итоге «Плеве приступил к реорганизации розыска. Но только Плеве не понимал того объекта, против которого он стал перестраивать розыскной аппарат» [16, с. 110]. Глядя на проблему «глазами 80-х», он недооценил социальную природу все более широкого общественного протеста [16, с. 110].

На фоне появления различного рода уголовно-политических мутаций и распространенности смежных составов различия между «революционерами» и «бандитами» нередко стирались. Причем в таких шайках в XX в. можно было найти кого угодно – от работников сферы правоохраны до депутатов Государственной Думы [9]. В итоге произошла «политизация» вопросов борьбы с насильственной групповой вооруженной преступностью, что особенно отразилось на законодательстве столыпинской эпохи. В частности, отметим закон 1906 г. о военно-полевых судах (хотя прямой связи с собственно «бандитизмом» здесь нет; такой квалификации не существовало до 1917 г., речь по-прежнему шла о шайках), решения которых расходились с общепринятыми к тому времени воззрениями на задачи наказания [19, с. 11–19].

В целом политическое и уголовное начала в бандах смыкаются, порой сливаются, удивляя разнообразием лиц и судеб. Сегодня, в частности, широко известно имя начинавшего свою карьеру в 1905 г. налетчика и «политика» Мишки Япончика (Мойше-Яков Вольфович Винницкий), чей талант развернулся в событиях 1917–1918 годов [14]. Успешнее сложилась судьба его знакомого, другого известного налетчика и каторжанина, а затем героя Гражданской войны Г.И. Котовского [4]. Впрочем, неизмеримо больше таких героев, по существу мало чем отличавшихся от разбойников, все же погибли, канули в Лету. Хотя в свое время они получили самую широкую известность. В длинной веренице имен назовем, к примеру, А.М. Лбова («Длинный», «Семен») – лидера так называемых лесных братьев на Урале («лбовщина»), ставшего героем ряда литературных произведений [15].

Бандитизм советской эпохи и его специфические черты

Период революционных потрясений 1917 г. и Гражданской войны стал подлинным расцветом бандитизма, получившего невиданный размах. Его опасную волну удалось остановить лишь к середине 1920-х годов. При этом в условиях масштабного внутреннего конфликта произошли принципиальные перемены и в названии данного вида преступности, и в сфере его квалификации. Предельно расширительные трактовки революционной эпохи привели к тому, что такую квалификацию получали преступные действия, которые в иные времена квалифицировались бы совершенно иначе, при этом превалировали жесткие наказания за их совершение [20, с. 169].

На наш взгляд, актуализация термина «бандитизм» в Советской России, его превращение из разговорно-бытовой формы в правовую категорию были связаны, с одной стороны, с чрезвычайной увлеченностью большевиков не только идеями, но и различными внешними атрибутами эпохи Великой французской революции XVIII столетия. С другой стороны, отметим его обусловленность мощной волной так называемого политического бандитизма. Вместе с тем полагаем, что именно такой подход позволил эффективно подавить

наиболее острые проявления бандитизма в 1920-е гг., новая вспышка которого на рубеже 1920–1930-х гг., связанная с кампанией коллективизации, уже не приобрела столь значительных масштабов, как в 1917–1922 годы.

Отметим, что явление «политизации» бандитизма и использование в борьбе с ним чрезвычайных мер, выходящих за рамки конституционной легальности, не являлось, однако, какой-то уникальной чертой советской действительности. На деле мы наблюдаем схожие процессы и в целом ряде других стран, к примеру, в Италии, где с 1924 г. Муссолини руками префекта Моро провел весьма эффективный комплекс мероприятий против мафии с использованием регулярной армии, системы заложничества, пыток, расстрелов без суда и т. д. Тотальная зачистка Италии в это время привела к тому, что часть мафиози пошла на службу режиму, а часть бежала в США, существенно усилив ряды итальянской мафии.

Во многом именно благодаря Муссолини итальянская мафия в США («Черная рука») с конца 1920-х гг. по-настоящему расцвела. В условиях мирового экономического кризиса, на волне бутлегерства, азартных игр, проституции, наркотиков произошла также ее консолидация (в 1931 г. возникла «Коза ностра» – «Наше дело») с разделом страны на сферы влияния. Благодаря Великой депрессии эпоху примитивных банд Дикого Запада в США сменил период тотальных бесчинств банд нового типа и гангстерских войн. Причем ее отличительной чертой явился растущий уровень взаимодействия новых банд с государством, его отдельными чиновниками. К примеру, всемирно известная, но по существу довольно примитивная банда Диллинджера, только в 1933 г. совершившая 45 ограблений банков, по общему признанию, имела весьма тесные, однако так и не выясненные контакты с самыми высокими лицами во власти. Благодаря этому она неоднократно уходила от преследований, а ее лидеры бежали из, казалось бы, самых охраняемых тюрем. В итоге, несмотря на все возможности захвата, по личному приказу Гувера при задержании Диллинджер был ликвидирован [11].

Невзирая на «популярность» данной банды, подобно многим аналогичным, она являла собой образец краткого торжества прими-

тивной формы над криминальным гением, который нашел выражение в крупных мафиозных организациях, устанавливавших свой контроль не только над отдельными мелкими бандами, но и над бизнесом, профсоюзами и т. д. [2] Более того, они все теснее взаимодействовали с политическими партиями и государством. В частности, общеизвестно, что в годы мировой войны мафия имела тесные контакты со спецслужбами США, к примеру, обеспечивала высадку союзников в Италии. Продолжились такие контакты и после войны. Отметим также, что, несмотря на оформление и быструю модернизацию института, в его основе оставались глубоко архаичные принципы «семьи», «кровных уз», «круговой поруки», вендетты и пр. (как в древности) [3, с. 9–12]. Причем крупные мафиозные кланы не могли обходиться без своего рода криминальных субподрядчиков – исполнителей черновой работы в лице отдельных банд, естественно, не посвященных в тонкости высшей криминальной «политики» и обладавших известной степенью автономии. Следует, что данные явления имели место при внешней демократии западных стран [13, с. 175].

На данном фоне совершенно иная судьба ожидала бандитизм в СССР. Если сразу после Великой Отечественной войны банды поначалу вновь расцвели и даже в конце 1940-х – начале 1950-х гг. «ограбления и налеты не считались чем-то особенным» [5, с. 23–26] (банда Пашки-Америки и др.), то благодаря последовательно жесткой деятельности органов правопорядка, особенно в результате мероприятий второй половины 1950-х – начала 1960-х гг., бандитизм был фактически подавлен. Вместе с тем произошла и деполитизация понятия бандитизма с соответствующим уточнением квалификации таких преступлений. Ряд видов преступлений, считавшихся антигосударственными и прежде квалифицировавшихся как бандитизм, постепенно были перераспределены по другим составам (диверсии и пр.), а понятие «бандитизм» окончательно стало иметь уголовно-правовой характер. В данной связи некоторые исследователи считают, что в Советской России бандитизм эволюционировал, «постепенно переродившись из контрреволюционного преступления, посягающего на основы государственного устройства, в тяжкое, имею-

щее корыстную направленность преступление» [10, с. 6].

Выводы

В принципе соглашаясь с приведенной выше оценкой, уточним, что в Советской России произошло не «перерождение» бандитизма, а его трансформация, а точнее, подход к квалификации соответствующих деяний со стороны государства. Причем это произошло не «вдруг», не в силу какой-то внутренней логики его эволюции, а было обеспечено последовательной политикой государства, не только подавившего уголовный криминалитет силами органов правопорядка с применением необходимого государственного принуждения [18, с. 4–10], но и создавшего качественно новые условия социальной и экономической жизни, исторически невиданно ограничившие масштабы проявлений бандитизма. А уже на этой основе изменились и отношение государства к проблеме, ее политическая оценка и в конечном счете законодательное обеспечение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анциферов, К. К учению о тайных обществах по русскому законодательству / К. Анциферов // Журнал гражданского и уголовного права. – 1882. – Кн. 3. – С. 1–11.
2. Бальзамо, У. Мафия. Первые 100 лет / У. Бальзамо, Д. Карпоци. – М. : ОЛМА-Пресс, 1996. – 446 с.
3. Гулар, Д. История мафии / Д. Гулар. – М. : Профиздат, 1991. – 63 с.
4. Гуль, Р. Красные маршалы / Р. Гуль. – М. : Воениздат, 1990. – 256 с.
5. Колесник, А. А. Бандитский СССР. Самые яркие дела / А. А. Колесник. – М. : Эксмо, 2012. – 129 с.
6. Кошко, А. Ф. Очерки уголовного мира царской России. Воспоминания бывшего начальника Московской сыскальной полиции и заведующего всем уголовным розыском Империи / А. Ф. Кошко. – М. : Столица, 1992. – 608 с.
7. Кошко, А. Ф. Среди убийц и грабителей: Воспоминания бывшего начальника Московской сыскальной полиции / А. Ф. Кошко. – М. : ТЕРРА, 1997. – 400 с.
8. Новицкий, В. Д. Из воспоминаний жандарма / В. Д. Новицкий. – М. : Изд-во МГУ, 1991. – 258 с.
9. От парламента до ночлежного дома (А. Ф. Кузнецов) // Новое время. – 1912. – 5 нояб.

10. Пинчук, В. И. Виды преступных организаций и ответственность их участников по современному уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук / Пинчук Владимир Иванович. – Л., 1960. – 360 с.

11. Продль, Г. Фемида бессильна / Г. Продль. – М. : Прогресс, 1974. – 480 с.

12. Путилин, И. Д. На страже Отечества. Уголовный розыск Российской империи / И. Д. Путилин, А. Ф. Кошко. – М. : Эксмо, 2013. – 605 с.

13. Рассказов, Л. П. История государства и права зарубежных стран / Л. П. Рассказов, И. В. Упоров, Л. В. Карнаушенко. – Краснодар : Краснодарская академия МВД, 2004. – 323 с.

14. Савченко, В. А. Авантюристы гражданской войны / В. А. Савченко. – М. : АСТ, 2000. – 368 с.

15. Семенов, В. Л. Революция и мораль (Лбовщина на Урале) / В. Л. Семенов. – Пермь : Богатырев П.Г., 2003. – 244 с.

16. Спиридович, А. Записки жандарма / А. Спиридович. – М. : Художественная литература, 1991. – 263 с.

17. Турицын, И. В. Власть, общество и терроризм: размышления о российской исторической традиции / И. В. Турицын // Современная научная мысль. – 2014. – № 1. – С. 6–35.

18. Турицын, И. В. Теоретическая конструкция публичной власти и ее конституционно-правовое преломление в России / И. В. Турицын, И. В. Упоров // Право и практика. – 2015. – № 2. – С. 4–10.

19. Турицын, И. В. Уголовное наказание в уголовных и теоретических конструкциях (историко-правовой аспект) / И. В. Турицын, И. В. Упоров // Право и практика. – 2014. – № 4. – С. 11–19.

20. Упоров, И. В. Институт уголовного наказания в советском государстве начального периода / И. В. Упоров // Журнал российского права. – 2000. – № 11. – С. 169–173.

21. Упоров, И. В. Правовое регулирование естественных прав человека в местах лишения свободы / И. В. Упоров. – Рязань : Рязанский институт права и экономики, 1998. – 95 с.

4. Gul R. *Krasnye marshaly* [Red Marshals]. Moscow, Voenizdat Publ., 1990. 256 p.

5. Kolesnik A.A. *Banditskiy SSSR. Samye yarkie dela* [Banditism in the USSR. The Most Brilliant Cases]. Moscow, Eksmo Publ., 2012. 129 p.

6. Koshko A.F. *Ocherki ugolovnogo mira tsarskoy Rossii. Vospominaniya byvshego nachalnika Moskovskoy sysknoy politzii i zaveduyushchego vsem ugolovnym rozyskom Imperii* [Essays on the Criminal World of Tsarist Russia. Memoirs of the Former Head of the Moscow Detective Police and the Head of the Entire Criminal Investigation of the Empire]. Moscow, Stolitsa Publ., 1992. 608 p.

7. Koshko A.F. *Sredi ubiysts i grabiteley: Vospominaniya byvshego nachalnika Moskovskoy sysknoy politzii* [Among Murderers and Robbers: Memoirs of the Former Head of the Moscow Detective Police]. Moscow, TERRA Publ., 1997. 400 p.

8. Novitskiy V.D. *Iz vospominaniy zhandarma* [From Gendarme's Memoirs]. Moscow, Izd-vo MGU, 1991. 258 p.

9. *Ot parlamenta do nochlezhnogo doma* (A. F. Kuznetsov) [From Parliament to the Lodging House (A.F. Kuznetsov)]. *Novoe vremya*, 1912, Nov. 5.

10. Pinchuk V.I. *Vidy prestupnykh organizatsiy i otvetstvennost ikh uchastnikov po sovremennomu ugolovnomu pravu: dis. ... kand. jurid. nauk* [Types of Criminal Organizations and the Responsibility of Their Participants in Contemporary Criminal Law. Cand. jurid. sci. diss.]. Leningrad, 1960. 360 p.

11. Prodl G. *Femida bessilna* [Themis is Powerless]. Moscow, Progress Publ., 1974. 480 p.

12. Putilin I.D., Koshko A.F. *Na strazhe Otechestva. Ugolovnyy rozysk Rossiyskoy imperii* [On the Guard of the Fatherland. Criminal Investigation of the Russian Empire]. Moscow, Eksmo Publ., 2013. 605 p.

13. Rasskazov L.P., Uporov I.V., Karnauhenko L.V. *Istoriya gosudarstva i prava zarubezhnykh stran* [History of the State and Law of Foreign Countries]. Krasnodar, Krasnodarskaya akademiya MVD, 2004. 323 p.

14. Savchenko V.A. *Avanturyisty grazhdanskoy voyny* [Adventurers of the Civil War]. Moscow, AST Publ., 2000. 368 p.

15. Semenov V.L. *Revolutsiya i moral (Lbovshchina na Urale)* [Revolution and Morality (Lbovshchina in the Urals)]. Perm, Bogatyrev P.G. Publ., 2003. 244 p.

16. Spiridovich A. *Zapiski zhandarma* [Notes of the Gendarme]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1991. 263 p.

17. Turitsyn I.V. *Vlast, obshchestvo i terrorizm: razmyshleniya o rossiyskoy istoricheskoy traditsii* [Power, Society and Terrorism: Reflections on the Russian Historical Tradition]. *Sovremennaya nauchnaya mysl*, 2014, no. 1, pp. 6-35.

REFERENCES

1. Antsiferov K.K. *ucheniyu o taynykh obshchestvakh po russkomu zakonodatelstvu* [Toward a Doctrine of Secret Societies according to Russian Legislation]. *Zhurnal grazhdanskogo i ugolovnogo prava*, 1882, book 3, pp. 1-11.

2. Balzamo U., Karpotsi D. *Mafiya. Pervye 100 let* [Mafia. The First 100 Years]. Moscow, OLMA-Press, 1996. 446 p.

3. Gular D. *Istoriya mafii* [History of the Mafia]. Moscow, Profizdat Publ., 1991. 63 p.

18. Turitsyn I.V., Uporov I.V. Teoreticheskaya konstruktsiya publichnoy vlasti i ee konstitutsionno-pravovoe prelomlenie v Rossii [Theoretical Construction of Public Power and Its Constitutional and Legal Refraction in Russia]. *Pravo i praktika*, 2015, no. 2, pp. 4-10.

19. Turitsyn I.V., Uporov I.V. Ugolovnoe nakazanie v ugovolnykh i teoreticheskikh konstruktsiyakh (istoriko-pravovoy aspekt) [Criminal Punishment in Criminal and Theoretical Constructions (Historical and Legal Aspect)]. *Pravo i praktika*, 2014, no. 4, pp. 11-19.

20. Uporov I.V. Institut ugovolnogo nakazaniya v sovetskom gosudarstve nachalnogo perioda [Criminal Penal Institution in the Soviet State of the Initial Period]. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2000, no. 11, pp. 169-173.

21. Uporov I.V. *Pravovoe regulirovanie estestvennykh prav cheloveka v mestakh lisheniya svobody* [Legal Regulation of Natural Human Rights in Places of Liberty Deprivation]. Ryazan, Ryazanskiy institut prava i ekonomiki, 1998. 95 p.

Information about the Author

Pavel V. Maximov, Candidate of Juridical Sciences, Assistant Professor, Department of Criminal Law and Criminology, University of Krasnodar Russian Interior Ministry, Yaroslavskaya St., 128, 350005 Krasnodar, Russian Federation, ugprava_krdu@mvd.ru.

Информация об авторе

Павел Викторович Максимов, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии, Краснодарский университет МВД России, ул. Ярославская, 128, 350005 г. Краснодар, Российская Федерация, ugprava_krdu@mvd.ru.